

ГЕННАДИЙ
ЦЫФЕРОВ

В ☆
ГОСТЯХ
У ☆
ЗВЁЗД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МАЛЫШ“

1967

ГЕННАДИЙ ЦЫФЕРОВ.

В ГОСТЯХ У ЗВЁ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“

ХУДОЖНИК Б. МАЛИНКОВСКИЙ

Что любят лётчики? Небо, звёзды. А ещё... Только не удивляйся. Многим из них нравятся сказки. Например, когда при Германе Титове говорят о сказках, он улыбается.

Да, именно добрые и весёлые сказки впервые научили его мечтать. До сих пор дядя Герман помнит свою первую сказку.

„И поднял ветер ковёр-самолёт высоко в поднебесье. И полетел он за дальние горы, за синие реки, за поля, за леса, туда, где солнышко-колокольнышко спать садится“. Сказку эту дядя Герман прочитал в пять лет. И с тех пор часто вечерами мечтал:

„А вот я на ковре-самолёте. Лечу и лечу всё выше. Я выше леса, выше гор, выше облаков. Надо мною только солнышко. Солнышко улыбается и говорит: „Здравствуй, Герман!“

— Здравствуй, Герман! — Гера просыпается — это отец вернулся с работы и будит его.

Ну да, конечно, он задумался и заснул. С маленькими так часто бывает — задумаются и уснут. Впрочем, необязательно засыпать, чтобы увидеть что-то неожиданное.

Есть книги, похожие на дивный сон. Книги о морях, о путешественниках, открывающих новые земли и острова. Маленький Герман решил тоже открывать — только не острова, а звёзды.

Отец отнёсся серьёзно к мечте мальчика.

— Человек, — сказал он, — может всё: писать стихи, играть на скрипке, летать над облаками.

Герман писал стихи, играл на скрипке. Но больше всего на свете он, конечно, любил небо. Небо! Как легко и просто поднялись туда, к облакам, сказочные люди!

Раз-два... по щучьему велению — и ты в поднебесье!

В жизни, безусловно, всё не так. Чтобы стать лётчиком, нужно, во-первых, быть очень смелым, стойким, крепким человеком. Вот что писал Титов о своём детстве: „В восемь лет я уже понял, что значит быть мужчиной. Это — работать каждый день в поле, когда болят руки и ноги, и не хныкать“.

„Не хныкать никогда и ни за что“, — так сказал себе когда-то Гера Титов — мальчик из далёкого алтайского села. И словам этим он верен всегда. Не раз будущему космонавту было очень трудно, но он только стискивал зубы и повторял: „Не хныкать!“

Теперь старые друзья вспоминают. Однажды в детстве Герман Титов сломал себе руку. И ничего — сам сел на велосипед и до врача доехал. Ни разу не заплакал. „Плакать, — говорит сегодня дядя Герман, — человек должен лишь от радости: хорошую музыку, стихи услышал или же старых друзей встретил“.

Да, многое нужно для лётчика. Но главное, всё-таки, спокойствие и твёрдость. Герман Степанович всегда помнил об этом. Много лет назад, когда впервые он сел в кабину самолёта, самолёт его не слушался. Трудно, очень трудно было справиться с капризной машиной. Однако Герман Титов был настойчив. Вскоре самолёт стал совсем послушным, ручным. То был первый прирученный им самолёт. Потом их было много.

Лётчик Титов приручал самые сложные, сверхзвуковые истребители. Знаешь ли ты, что такое сверхзвуковая машина? Она летит быстрее своего голоса. Вначале ты её видишь, а потом только слышишь её голос: „У-у-у...“

Безусловно, управлять такими самолётами нелегко. И всё-таки они слушаются лётчиков. Они им приказывают, а самолёты в воздухе всякие фигуры делают. Я сказал „фигуры“. Это правда. Например, самолёт Титова как бы рисовал в небе различные фигуры, знаки. Он то ложился на спину — и солнечные лучи гладили его стальное пузо — то он вдруг задирает нос кверху и так стоял золотой свечкой в густом и синем мареве.

Вечерами над аэродромом небо густело. Оно наливалось до самых краёв тяжёлой глянцевой синью. И там, где-то высоко в небе, словно спящие рыбы в аквариуме, стояли ясные, неподвижные звёзды. Звёзды! Теперь ещё больше, чем в детстве, его тянуло к ним.

Быть не просто лётчиком, а звездолётчиком! — вот о чём стал мечтать Герман.

Кто-то сказал: „Если очень желать — обязательно сбудется!“

Сбылась мечта Титова. Из далёкой звёздной школы, где готовили космонавтов, он получил письмо: „Приглашаем Вас в школу, в первый звёздный класс“.

...И снова долгие месяцы учёбы: ведь космонавт должен знать и уметь гораздо больше, чем простой лётчик-истребитель. Изо дня в день тренируется Титов. Внешне это даже напоминает чем-то аттракцион в парке. Но так лишь кажется. Не только маленького, но и не всякого большого в этот „парк“ пустят.

Например, эта карусель. По-научному она называется центрифуга. На длинной металлической палке — большой железный стул. На стул сажают лётчика и... начинают бешено, с невероятной скоростью вращать. Это очень трудно выдержать. Во время вращения тебя словно кто-то хватает за плечи и давит, давит. Ногу и руку тоже нельзя поднять, кажется, на них висят тяжеленные гири. Конечно, такая карусель совсем не удовольствие! Для чего же это? Может быть, космонавты толстые и необходимо им похудеть? Нет. Так лётчиков тренируют к будущим полётам. При взлёте ракеты происходит тоже каждый раз такая карусель: тебя сжимает и давит, давит.

Но если такое испытание можно назвать каруселью, то другое — не иначе как лихорадкой. Стальная площадка дрожит мелкой, противной дрожью.

Титов проходит и это испытание.

И, наконец, самый последний экзамен. В шутку его зовут — экзамен на одинокого Робинзона.

Знаешь ли ты, кто такой Робинзон? Одним словом, был такой человек, и жил он на необитаемом острове.

Каждый космонавт в полёте так же как бы становится Робинзоном. Он один в корабле, а кругом холодное необитаемое небо. Некому пожать руку, некому сказать доброе слово. Можешь говорить только сам с собой: „Ну, как дела, Герман? Тебе не страшно?“ А это действительно страшно. Он одинок, как никто на свете. Старый Робинзон хоть слушал своего попугая. В сурдокамере же, где проходят испытания, даже часы бесшумные. Сквозь толстые железные стены сюда не проникает ни звука. Лёг — молчание, встал — молчание. Что делать? „Ага, — Герман улыбается. — И как я раньше не догадался? Безусловно... В такой тишине только и читать стихи...“

И он читает:

„У лукоморья дуб зелёный...“

Там, где-то за железной стеной, слышен его мягкий, добрый голос. Люди в белых халатах внимательно слушают — это их обязанность: по радио и телевизору они должны следить за здоровьем

космонавта. Но в данном случае они слушают концерт. Удивительно?! Да?!...

Так же Титов удивил всех и при полёте. Прижавшись к динамикам, люди ждали. Они ждали самых первых и самых важных сообщений о полёте. И вдруг, в самый момент взлёта, весёлый голос: „Пошла, родная!“ Ты знаешь, как довольны были люди на Земле, услышав эти слова?! Радуетя человек — значит, всё в порядке.

Есть люди, которые не умеют радоваться. Солнце светит, птицы поют, а человек всё равно скучный. Дядя Титов никогда не бывает скучным. Радовался, шутил он на земле, шутил и радовался в небе. Вот что он сказал там в небе: „Вы как хотите. Я ложусь спать“. Такую телеграмму Титов послал москвичам.

Однако ни в Москве, ни в каком другом нашем городе в это время никто не думал ложиться спать. Все ждали новых вестей от Титова.

И вскоре он сообщил: „Веду научные наблюдения. Наблюдаю восход. Красиво очень! Вначале появляются первые лучи. Потом огненный полукруг. И, наконец, ослепляя и озаряя всё, выкатывается необычно яркое и чистое солнце“. Солнце-солнышко! На Земле по нему мы проверяем время. Но, если бы дядя Герман поступил так в космосе, получилось бы очень смешно. Например, завтракал бы он в понедельник, обедал — в среду, ужинал — в субботу. Почему? А очень просто: на Земле за одни сутки мы видим один восход и один закат. В космосе за это же время космонавт может видеть несколько восходов и закатов. Его корабль как бы играет в прятки с небесным светилом. То прячется от него за Землю, то снова появляется перед светилом.

А когда солнца не было, дядя Герман смотрел на Землю. Там, в темноте, как новогодние ёлки, вспыхивали букетами огней вечерние города. Один за другим. А космонавт, глядя на них, думал: „Какая нарядная и красивая планета — Земля!“.

- Земля! Земля! — радировал он. — Ты меня слышишь?
— Слышу! Слышу! — отвечала Земля. — Как самочувствие?
— Отличное. Нахожусь в состоянии невесомости.

Невесомости? А это что за штука? Говоря просто, невесомость — значит человек ничего не весит, парит в воздухе. Как это получается? А вот как. Земля, как другие планеты, есть своеобразный магнит. Она притягивает нас к себе. Держит. Титов же находился далеко от Земли, между Луной и Землёй. Его ничто не удерживало. Вот и парил в кабине. Рядом с ним летали и его карандаши, тетрадь, фотоаппарат.

Забавно? Но забавней всего, как космонавт обедал. Ведь обед был в тюбике.

К Титову в кабину заглянул месяц и очень удивился. Такого обеда он никогда не видал. Впрочем, месяц всего второй раз видел людей так близко. Он так и сказал звёздам: „Космонавты для

меня самые близкие люди". Говорят, звёзды улыбнулись и ответили: „И для нас тоже“.

Между звёздами, по бескрайнему морю космоса, плыл космический корабль „Восток II". Звёзды уходили назад, таяли. А внизу просыпалась Земля. Щетинились леса, как пики поднимались горы. А между гор и лесов тянулись голубые жилы-реки.

— Привет тебе, Земля! — радировал Титов. — Привет вам, люди! Люди Африки, люди Америки! Люди моей Родины!

Родина! Там сейчас поют соловьи и приятно пахнут васильки. Титов подумал о цветах и вспомнил: улетаая, он положил букет цветов к памятнику Пушкина. Бронзовый Пушкин тоже ждёт его.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет...

Безусловно, эти строчки Пушкин посвятил ему и его кораблю. Далеко в небесном океане летит космический корабль. Советский человек Герман Титов ведёт его. Он очень счастлив, но ещё он не знает, какой радостной и счастливой будет Земля, встречающая своего сына. Она расцветёт флагами, знамёнами, цветами. И каждый землянин скажет ему спасибо. Так говорят проводнику, что ищет дорогу. Титов тоже искал дорогу — дорогу к звёздам. Там, в конце этого пути, другие планеты ждут нас в гости.

„И мы придём!" — так говорит Титов.

Там, в конце голубого пути, жители других планет нас ждут в гости: „Добро пожаловать, дети! Дети прекрасной планеты Земли!"

23 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Геннадий Михайлович Цыферов
В гостях у звёзд

Редактор Л. Архарова
Художественный редактор Ю. Подианов
Технический редактор В. Голубева
Корректор Н. Пьянкова

★

Подписано в печать 10/IV 1967 г. Формат 60×90^{1/2}—2,5 печ. л.
Тираж 150000 экз. Учизд. л. 3,19 Изд. № 1007
По оригиналам издательства «Малыш»
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР

Ф-ка им. Дунаева Зак. 601-Д